

Валерий Куликов

ЭРОТИКА ГЛАЗАМИ КРИМИНАЛИСТА
(Юридическая теория порнографии)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОСКВА
2019

18+

Валерий Николаевич Куликов
Эротика глазами
криминалиста (Юридическая
теория порнографии)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42396882
SelfPub; 2019*

Аннотация

В предлагаемой вниманию читателей книге «Эротика глазами криминалиста (Юридическая теория порнографии)» автор излагает своё видение проблемы обмена информацией сексуального содержания. Особого внимания заслуживает разработанная автором методика экспертного исследования эротических произведений для выявления криминальной порнографии. Применение данной методики в судебно-следственной практике внесёт необходимую ясность, определённость и единообразие в толковании и применении ст. 242 УК РФ. Книга содержит ненормативную лексику, но не в бранной форме, поэтому она не может квалифицироваться как «нецензурная брань». Содержит нецензурную брань.

Рецензенты:

Арямов А. А. – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора НИИ государственного управления и местного самоуправления;

Борбат А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Введенский Г. Е. – доктор медицинских наук, ведущий сотрудник лаборатории судебной сексологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского;

Звегинцева И. А. – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ киноискусства Министерства культуры Р. Ф.;

Игнатов А. Н. – доктор юридических наук, профессор, член Научно – консультативного Совета Верховного Суда России;

Караваев Д. Л. – кандидат искусствоведения, заместитель директора НИИ киноискусства Министерства культуры Р. Ф.;

Махонько А. Р. – кандидат медицинских наук, ученый секретарь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Книга рекомендована руководством ФГУ ВНИИ МВД России для издания и практического использования в деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроиз-

водство, а также в законопроектной и научной работе.

Вступление.

В настоящее время в Российской Федерации запрещено «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», а так же «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»(ст. 242 и 242.1 УК РФ).

Инициаторы принятия данных статей УК поясняют, что они основаны на требовании международной Женевской конвенции от 12 октября 1923 г. «О пресечении обращения **непристойных** (в русском переводе **порнографических**) изданий и торговли ими». Она охраняет общественные *информационные* отношения, возникающие между субъектами сексуальных отношений непосредственно по поводу обмена сексуальной информацией.

Существенным этапом уголовного процесса по данной категории уголовных дел является производство судебных экспертиз, в задачу которых входит установление факта принадлежности к порнографии предметов, фигурирующих в материалах дела в качестве вещественных доказательств. От правильного решения этого вопроса напрямую зависит обоснованность привлечения граждан к уголовной ответственности.

В действующем законодательстве не дано юридического определения понятию «порнография», пригодного для ис-

пользования в судебной практике, в том числе в экспертной деятельности; и критериев отличия последней от производений пристойной эротики, оборот которой также регулируется государством. На практике правоприменители за производством экспертиз обращаются то к искусствоведам, то к врачам – сексологам.

Искусствоведы в своей экспертной деятельности используют искусствоведческие критерии узнавания порнографии, акцентируя внимание на *эстетике* изображения «интимных сторон жизни» и художественной ценности произведения. Порнографию они понимают как произведение, выполненное с нарушением каких-то не писанных правил изображения сексуальности; как борьбу настоящего искусства с ремесленными поделками, не имеющими отношения к искусству. При этом искусствоведы не понимают, что *эстетические улики* не могут служить основанием для возникновения *репрессий* против любых произведений, в том числе и против тех, которые, например, не имеют «*концепции фильма и художественных принципов его построения*». Проблема в том, что их представление о порнографии базируется на ложном субъективном тезисе о существовании «тонкой грани», отделяющей искусство от порнографии. Они почему-то не замечают, что задавать вопрос: «Это искусство или порнография?» – так же не верно, как не верно спрашивать: «Это искусство или детектив?».

Врачи-психиатры для производства экспертиз по де-

лам о порнографии разработали «пособие для врачей», которое содержит заимствованную в зарубежной литературе градацию продукции сексуального содержания. Градация не содержит научного определения понятий «эротика» и «порнография», но предусматривает деление этих понятий на «мягкую и жёсткую» эротику и на «мягкую и жёсткую» порнографию.

В действующем российском законодательстве ничего не говорится о мягкой или жёсткой эротике и мягкой или жёсткой порнографии. Заметим, порнография – это орудие преступления. В юридической науке и практике не принято делить орудия преступления на «мягкие» и «жёсткие». Это не имеет юридического значения. Следовательно, предлагаемое авторами деление понятий «эротика» и «порнография» на «мягкую» и «жёсткую» не имеет юридического смысла. Кроме этого, по свидетельству самих же авторов, градация может использоваться и как хитроумная уловка, позволяющая «практически все материалы, представленные правоохранительными органами на исследование, признавать порнографическими, а материалы, представленные издателями – эротическими». Данное обстоятельство свидетельствует о более чем сомнительной научной и практической ценности «врачебной» теории порнографии.

Общим недостатком и «искусствоведческой», и «врачебной» теории порнографии является то, что зарубежные авторы создавали их исходя из каких-то узко профессиональ-

ных интересов, направленных на достижение целей, находящихся за пределами задач действующего российского законодательства и теории права. Поэтому результаты экспертиз, полученные с применением данных теорий, фактически не имеют доказательного значения. К тому же, использование разных теорий и определений понятия «порнография» создаёт реальное препятствие для единообразного толкования и применения уголовного закона.

По нашему мнению, для радикального решения проблемы производства экспертиз по делам о порнографии (с учётом требований новых норм конституционного права и морали, с учётом новых политических реалий) необходимо, руководствуясь *морально-правовыми критериями*, разработать *юридическую теорию порнографии*, состоящую из:

- научного определения понятия «эротика»,
- научного определения понятия «порнография»,
- схемы дихотомического деления понятий «эротика» и «порнография».

Далее, пользуясь юридической теорией порнографии, можно будет решить другую задачу: разработать Единую систему классификации и экспертизы эротических произведений по делам о порнографии, состоящую из:

- а) **юридической** теории порнографии;
- б) **юридической** классификации всех эротических произведений;
- в) **методики** производства экспертиз по делам о пор-

нографии с использованием юридической теории порнографии.

Решению этих двух задач посвящена настоящая работа автора.

Примечание.

Основные положения юридической теории порнографии автор ранее публиковал в статье Предмет как орудие преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, (журнал «Российский следователь» – 2005 г., № 2 и 3.).

1. Концепция порнографии.

1.1. Определение понятия «эротика».

Для начала обратимся к западным энциклопедическим источникам. В Оксфордском словаре английского языка об эротике говорится, что прилагательное «эротический» появилось в языке примерно с 1651 года как производное от греческого слова «эрос» (половая любовь) и служит для обозначения любовной страсти. Термин «эротизм» в том же словаре трактуется как «половое возбуждение». В словарях немецкого и французского языков толкование тех же терминов по существу одинаковое.

Что касается отечественных авторитетных источников, то во втором издании БСЭ (Большой советской энциклопедии) определение понятия «эротика» автор сформулировал следующим образом:

«Эротика (от греч. «эрос» – любовь) – половая

чувственность, повышенный, иногда нездоровый интерес к половым проблемам: в искусстве – откровенное, подчас грубое изображение любви, половой жизни».

Автор данного определения заметил, что и в отечественной, и в зарубежной литературе термин «эротика» длительное время находится в обращении и используется не только для названия предметов творческой деятельности, но и для обозначения определённого вида психических процессов, обусловленных сексуальной природой организма. Поэтому он даёт нам два варианта определения этого понятия: применительно к жизни (т. е. к психике) и применительно к искусству. В первом издании БСЭ понятие «эротика» дано только применительно к жизни, в третьем издании – только применительно к искусству. Нами для анализа взято определение из второго издания энциклопедии как наиболее полное и, следовательно, наиболее пригодное для использования в юридической практике.

Здесь слова «половая чувственность» вполне конкретно, кратко и ёмко характеризуют собой ту гамму чувств, эмоций, переживаний, которые только можно охватить понятием «эротика» в жизни. Но следующие затем слова «повышенный, иногда нездоровый интерес к половым проблемам» представляют собой описание одной только отрицательной стороны рассматриваемого предмета и характеризуют такое частное состояние психики, которое принято назы-

вать «эротоманией». Придание такого смысла словам «половая чувственность» в значительной мере сужает действительный объём этого понятия. Получается, что эротика – это половая чувственность, а половая чувственность – это эротомания?.. На языке логики эта ошибка называется ошибкой слишком узкого определения, которая в данном случае ведёт к смешению понятий «эротика» и «эротомания». Для исправления допущенной ошибки необходимо из исходного определения удалить описание признаков эротомании, после чего получим определение: «эротика – это половая чувственность». В таком виде определение понятия «эротика» в жизни согласуется с определением этого понятия в зарубежных источниках и вполне соответствует истине.

Во второй части рассматриваемого определения автор утверждает, что эротика в искусстве – «это откровенное, подчас грубое изображение любви, половой жизни». Допустим, но сразу возникает вопрос: почему не откровенное и не грубое изображение любви, половой жизни мы не можем назвать эротическим? Известно ведь, что название жанру даёт не способ, а предмет изображения! Это, во-первых. Во-вторых, в этом же издании БСЭ дано и определение порнографии, где говорится, что порнография – «это грубо натуралистические, циничные изображения половой жизни». Сравнивая эти два определения не трудно заметить, что они почти дословно повторяют друг друга. Это говорит о том, что здесь также допущена ошибка «слишком узкого определе-

ния», которая в данном случае ведёт к смешению понятий «эротика» и «порнография».

Удалив из исходного определения понятия «эротика» слова «грубо натуралистические, циничные», получим нормальное определение: «в искусстве – это изображение любви, половой жизни», что также будет вполне соответствовать истине.

Общеизвестно, что половая жизнь человека находится в прямой зависимости от половой чувственности (либидо): есть половая чувственность – есть половая жизнь, нет половой чувственности – нет и половой жизни. Значит, среда обитания эротика – половая жизнь, за её пределами эротика не существует, а внутри этой жизни эротика присутствует везде и является основным условием её возникновения. Следовательно, понятия «эротика», «секс» и «половая жизнь» являются равнозначными.

Известно также, что создание всякого произведения начинается с общения автора с предметом изучения или изображения. Именно по предмету мы узнаём комедию или трагедию, детектив или батальную живопись. Психологи хорошо знают, что внешние раздражители на психику разных людей действуют по-разному, поэтому если кого-то не рассмешил анекдот, это не значит, что ему рассказали не анекдот.

Понятно ведь, что признак воздействия произведения на потребителя является субъективным признаком. Специалисты же в области логики советуют при отыскании истины

обращать внимание не на субъективные, а на объективные признаки. Именно поэтому комедия или трагедия называются так не потому, что они способны нас рассмешить или разжалобить, а потому, что предметом изображения в них стали комические, или трагические события окружающей действительности, на которые автор специально обратил своё и наше внимание.

В эротике всё то же самое. Произведение называется эротическим не потому, что оно на читателя или на зрителя способно действовать возбуждающим образом. А потому, что оно посвящено теме половой любви, половой жизни, потому, что его герои охвачены половой чувственностью и демонстрируют нам именно эти свои переживания, или в которых просто отображена эротическая символика. Заметим, нагота здесь не всегда может выступать как символ эротический.

Иногда она просто подчёркивает бедность человека, или незащищённость его перед какими-то внешними силами. В других случаях нагота может быть просто символом открытости, чистоты намерений героя и т. д. В общем, не всё, что голое – эротическое, и не всё, что эротическое – голое.

На разницу между эротическим и не эротическим обнажением тела человека ясно указывает критерий цели, с помощью которого мы можем четко различать факты эротического и не эротического обнажения как в реальной жизни, так и в изображениях сцен наготы в тех или иных произведе-

ниях. Например, раздевание с целью переодевания, с целью купания, принятия воздушных, солнечных ванн, раздевание в кабинете доктора и пр., все это примеры не эротического обнажения. Следовательно, изображение подобных сцен в произведениях тоже не могут признаваться эротическими.

Новое определение понятия «эротика», пригодное для использования в юридической науке и практике, можно сформулировать следующим образом:

«Эротика (от греч. «эрос» – половая любовь):

в жизни – половая чувственность, ощущения, чувства, эмоции, мысли, переживания, обусловленные сексуальной природой организма;

в изображениях – это произведения науки, литературы, искусства, ремесла на тему половой любви, половой жизни, предметом изображения в которых является половая чувственность».

Из данного определения следует, что все произведения «про любовь», начиная с детских сказок и заканчивая произведениями «для взрослых», где отображены события половой любви, половой жизни, где герои охвачены половой чувственностью и демонстрируют нам именно эти свои переживания, независимо от степени профессионализма, художественности, а также откровенности показа предметов или событий половой любви, половой жизни, – всё это вместе взятое есть *эротика*.

Произведение в целом называется эротическим, если

оно полностью посвящено указанной теме. Если в произведении имеются лишь отдельные любовные сцены или эпизоды половой любви, половой жизни, можно говорить лишь об отдельных эротических сценах или эпизодах.

В статье № 37 Закона Р. Ф. «О средствах массовой информации» дано следующее определение понятию «*эротические издания*»:

«Под средством массовой информации, специализирующимся на сообщениях и материалах эротического характера для целей настоящего Закона понимаются периодическое издание или программа, которые в целом или систематически эксплуатируют интерес к сексу».

Определение, по нашему мнению, является не верным.

Согласно правилам логики определение должно состоять из описания объективных, существенных признаков, которые принадлежат самому предмету. В приведённом примере автор даёт определение через **действие** предмета, которое тот якобы оказывает на **интерес** потребителя. Но. Данный признак не является объективным. Интерес потребителя – это субъективный признак. Он может возникать, а может и не возникать, поскольку внешние раздражители на психику разных людей действуют по-разному.

Заметим. Неодушевлённый предмет, будь то какое-то издание, или, например, автомобиль не может эксплуатировать человека. Эксплуатировать кого-либо или чего-либо может только физическое, или юридическое лицо.

Автор, издатель или издательство могут эксплуатировать интерес к сексу с помощью эротического издания. Но для целей настоящего Закона требуется описание **словесного портрета** эротики, а не констатация факта эксплуатации интереса к сексу.

Статью 37 Закона Р. Ф. «О средствах массовой информации» можно сформулировать следующим образом:

«Под средством массовой информации, специализирующимся на сообщениях и материалах эротического содержания для целей настоящего Закона понимаются периодическое издание или программа на тему половой любви, половой жизни, предметом изображения в которых является половая чувственность».

2. Историко-политический анализ.

2.1. Влияние религии на процесс сексуально-информационного обмена в странах Запада.

Отношение людей к эротике и в жизни, и в изображениях далеко не всегда и не везде было одинаково стыдливым, как это иногда кажется нашим современникам. Всё зависело от общественного сознания, формирование которого происходило под влиянием разных факторов. Основным была, конечно, господствующая религиозно – политическая доктрина. В тех обществах, где ценилась сексуальность, ценились и произведения сексуального содержания. Там же, где господствующая идеология исповедовала идеалы аскетизма, к

эротическим произведениям относились отрицательно и они неизбежно попадали под запрет. Во времена язычества на смену беспорядочным половым связям и сексуальной анархии пришёл режим сексуальной теократии. Поклонение сексуальности стало обычным явлением у всех народов и культур. После богов солнца и огня, боги любви и плодородия занимали третье место по степени популярности и распространённости у древних. Существовали специально построенные этим богам храмы, куда на праздники стекались сотни тысяч паломников, чтобы воздать дань и сотворить обряды поклонения культу Лингама и Йони, Приапу и Изиде, Эросу, Афродите, Адонису, Венере, Озирису, Баалу (Ваалу), Астарте, Молоху и другим. Храмы эти украшались фресками, скульптурами и статуэтками, изображавшими самих богов или их символы, мужские или женские половые органы, а также сцены из обрядов возбуждения и удовлетворения половой чувственности. Понятно, что эротика тогда никого не шокировала, не преследовалась и не уничтожалась, ибо господствующая в тех культурах нравственность была основана не на враждебном, а на подчёркнуто возвышенном, божественном отношении людей к сексуальности.

С возникновением и распространением монотеизма началась долгая и упорная борьба новых пророков с языческими культами прошлого. Сексуальность не вписывалась в систему новых ценностных ориентаций. Поэтому то, что во времена язычества было символом божества и святости, во

времена монотеизма обернулось знаком нечистой силы, дьявола и сатаны. Постепенно под влиянием новой идеологии формировалась новая половая мораль, основанная на идеалах сексуального аскетизма мученичества и страданий.

Кодекс правил древней христианской церкви был создан в течении первых восьми веков христианства. Основные нормы христианского канонического права были собраны в книге под названием «Правила Св. Апостол, Св. Соборов Вселенских и Поместных и св. отец с толкованиями». В этих «Правилах» есть специальные нормы, руководствуясь которыми христианские священнослужители обязаны были вести борьбу с «идолопоклонством», с «блудом», а также с изображениями «блуда», поскольку эти изображения, по мнению священнослужителей, служат побудительным мотивом к «блудодеянию» в форме онанизма, проституции, супружеской неверности.

Канон № 95 прямо гласит: «Останки идолопоклонства – в изваяниях ли, или в каких-нибудь местах, или в рощах, или в деревьях, да истребятся. Должны быть сокрушаемы не только изваяния идолов и истребляемы и разрушаемы жертвенники их, но если какой-нибудь остаток идолопоклонства сохранится, то и он должен исчезнуть, так чтобы памяти о нём не было».

Канон № 100 гласит: « Очи твои право да зрят, и всяцем хранением блюди твоё сердце, завещает премудрость, ибо телесные чувства удобно вносят свои впечатления в ду-

шу. Посему изображения на досках или на ином чём представляемые, ублажающие зрение, растлевающие ум, и производящие воспламенения нечистых удовольствий, не позволяем отныне, каким бы то ни было способом, начертавати. Аще же кто сие творити дерзнет: да будет отлучен».

Это сам канон. А вот толкование к нему византийского канониста Иоанна Зонары, относящееся к XII веку: «На стенах и на досках начертывали некоторые нескромные изображения, или живописания, которые зрителей возбуждали к удовольствиям и постыдным действиям и воспаляли в них плотские вожеления. Итак, правило не позволяет этому быть ни в каком месте, приводя свидетельства из Писания, и говоря, что внешние чувства удобно впускают, то есть вталкивают, вводят в душу или, например, видимое, или слышимое; почему и наказывает тех, кто это делает».

Там же имеется комментарий к данной статье другого канониста того времени, Алексея Аристина: «Изображения, движущие взор к постыдному, не должны быть живописуемы, а преступивший сие отлучается. Очи твои право да зрят, и: всяцым хранением блюди твоё сердце, заповедует Премудрость».

Наконец, третий канонист Фёдор Вальсамон об этом каноне пишет: «Зрение есть первое из чувств, и им мы должны быть руководимы ко всему доброму; а никак не нарушать чрез него заповедей Божиих, подобно прародителю. Ибо увидел, говорит, и он, что древо красно, и прельстился,

и вкусил и сделался повинен смерти (Быт 3). Итак, поелику некоторые, преданные любострастию, и беспечные в образе жизни, изображали на досках, или на стенах, или на других каких предметах, любовные сцены, или другие какие-нибудь гнусности, дабы, смотря на них, возбуждать свои плотские пожелания, – святые отцы, воспользовавшись и свидетельствами из Писания, определили, чтобы это совершенно было упразднено, ибо это производит обаяние, то есть обольщает зрение, и вносит, то есть ввергает в душу всё, что есть худого, и делает причиною низких и непристойных поступков, растлевающих созданное по образу Божию. Кто дерзнет каким бы то ни было образом сделать что-нибудь такое; тот должен быть повинен отлучению. Заметь это; ибо в домах некоторых богатых людей не только делаются с полным безстыдством подобные изображения, притом с золотыми украшениями, но даже вылепливаются из гипса человекообразныя изображения».

При римских императорах, остававшихся ещё язычниками, церковь не имела возможности употреблять против еретиков карательные средства светской власти. Но в начале 4-го века, когда христиане помогли Константину стать императором Римской империи, а тот в ответ принял крещение и сделал христианство государственной религией, первосвященники стали склонять его, а потом и его преемников, к установлению гражданских законов против лиц, «впавших в ересь». Особенно священники старались представить ересь

преступлением против гражданских законов, за которые полагалась смертная казнь. Они заявляли, что сожжение еретиков вполне согласуется с правилами евангелия, потому, что «не следует надеяться, чтобы они когда-нибудь раскаялись». Приблизившись к государственной власти, Церковь бросила вызов самому Богу: она не хотела ждать пока Всевышний призовет к себе своих грешников и устроит им Божий суд, и назначит Божью кару. Она хотела здесь, при жизни на земле учредить Страшный суд и чинить расправу над своими оппонентами. И законы принимались. В 382 году император Феодосий обнародовал закон против еретиков, которым повелевал подвергать их высшей мере наказания, а имущество конфисковывать в пользу государства. В дальнейшем похожие законы принимались во всех христианских государствах. Светскую власть не смущал тот факт, что, принимая такие законы, она тем самым превращает свои гражданские суды в Суд божий, в Страшный суд, который один только всё видит, всё знает, и всему учит. Но с другой стороны, а как иначе? Принимая крещение и получая благословение на власть, государи императоры и члены их правительства попадали в полную зависимость от священнослужителей, которые в любое время и кого угодно, даже их самих, могли обвинить в ереси либо в пособничестве еретикам (например, в случае отказа принять нужные законы) и пригрозить отлучением от Церкви, что уж совсем могло быть равноценно смертному приговору. В истории достаточно примеров того,

как непослушание государей прошениям духовенства приводило к падению венценосного трона.

Во времена первосвященников церковь вела борьбу с разного рода ересями и еретиками с помощью так называемого управления по надзору за «чистотой веры». К 12-ому веку у священнослужителей созрело убеждение, что еретиков следует преследовать с помощью специально созданной корпорации людей, «назначенных чтобы обнаруживать, доносить на них и подвергать всевозможным наказаниям». Для этой цели в 1216 году Св. Доминик создал первый мужской монашеский орден, специальным назначением которого была проповедь против ересей, а чуть позднее – женский монашеский орден для тех же целей. Затем, Св. Доминик установил в Риме третий орден, но уже для живших в миру светских лиц. Он предписал им молить бога об истреблении ересей и помогать членам первых двух орденов преследовать еретиков, т. е. попросту выполнять роль доносчиков. Этот орден иногда называли «третий орден покаяния», но чаще он назывался «милицией Христа». Доминиканские монахи вскоре разъехались по разным странам и континентам для розыска и наказания за преступления ереси, и тогда уже имели статус организации инквизиторов (слово «инквизиция» буквально означает «розыск»).

Инквизиция должна была также действовать против укрывателей и пособников еретиков. Процессы святого трибунала всегда начинались с доносов. Доносы сыпались осо-

бенно часто во время приближения пасхальных причастий. Эта мера (донос) была так строго предписана верующим, что распространялась даже на ближайших родственников. Поэтому отец и сын, муж и жена нередко являлись одновременно и доносчиками друг на друга.

К числу подозреваемых относили даже умерших граждан, на которых поступал донос как на еретиков. Их трупы вырывались из земли и сжигались рукой палача, их имущество конфисковывалось, а их память предавалась бесчестью. Подозрение также падало на сочинения, содержащие еретическое учение и на их авторов. Наконец, евреи и мавры также считались подсудными святой инквизиции именно как источники иудейской и мусульманской ереси. Примером того, как работала инквизиция, могут послужить сведения из Испании. Здесь особенно прославился и получил звание великого инквизитора Томас Торквемада, который за 18 лет службы 10220 жертв сжёг живём, 6860 сжёг фигурально после их смерти, и 97321 человека опозорил, конфисковал имущество, подверг пожизненному заключению, а также исключению из службы на общественных и почётных должностях.

Пылкое усердие Торквемады не ограничивалось преследованиями людей; он подвергал гонению книги. В 1490 году он велел сжечь несколько еврейских Библий, а затем – более шести тысяч книг под предлогом, что они были заражены заблуждениями иудаизма, пропитаны колдовством, магией

или другими суевериями.

И только когда западное общество осознало, наконец, гибельную сущность христианского «окультуривания», на Западе наступил период освобождения общественного сознания от религиозной догматики и схоластики. Это время историки называют эпохой Возрождения, Реформации, Просвещения. В эпоху Возрождения (язычества!) возникла и активно стала развиваться светская гуманистическая культура. Свободная от церковной схоластики и догматики она способствовала подъёму науки, искусства, литературы получившей с изобретением книгопечатания невиданные ранее возможности распространения.

Жажда познания реального мира и восхищения им привели к отображению в искусстве самых различных сторон действительности, в том числе сексуальности. Однако первый период подъёма культуры оказался недолгим: во второй половине 16-го века в Европе наступил кризис. Воспользовавшись этим, христианство вновь начинает яростную борьбу с силами прогресса и демократии, подвергая ожесточённым нападкам произведения светской литературы и искусства, которые квалифицировались как: «формально еретические», «близкие к ереси», «наводящие на ересь», «благоприятные для ереси», «дерзновенные», «позорные», «оскорбляющие благочестивый слух», «непристойные», «богохульные» «антихристианские», «противные евангелию», «католической вере» и т. п..

Любое из выше перечисленных обвинений можно было легко бросить в адрес эротики, но чаще всего эротические произведения квалифицировались тогда инквизицией просто как «непристойные».

1558 год автор книги «История испанской инквизиции» Х. А. Льоренте, доктор канонического права, бывший главный секретарь инквизиции, отмечает как эпоху страшного закона, которым Филипп 2-ой постановил смертную казнь и конфискацию имущества для тех, кто будет продавать, покупать, хранить или читать книги, запрещённые святым трибуналом.

В 1571 году инквизиторы запросили Верховный Совет, чтобы узнать, следует ли им опубликовать указ против картин с обнажёнными натурами. Совет ответил, что запрещение может относиться к тем картинам, где нагота слишком бросается в глаза. Святой трибунал приказывал преследовать того, кто держал Венеру в своём доме. Под запрет попадали веера, табакерки, зеркала и комнатная мебель, когда на них обнаруживали какую-нибудь мифологическую фигуру, которая казалась блюстителям нравов неприличной.

Так, в Пруссии ордонансом Фердинанда Третьего, от 10 октября 1642 г., запрещалась продажа непристойных предметов.

Во Франции впервые законом 1791 г. воспрещалось выставление или продажа непристойных изображений. Запрет этот вошёл в кодекс 1810 года, статья 287 которого воспре-

щает распространение сочинений и изображений «непристойных или противных добрым нравам».

В Англии уже в конце 18-го века развивается учение о непристойности. В 1787 году король Георг Второй выпустил эдикт «против порока», призывая народ «осуждать все гнусные картинки и книги, распространяющие яд в умах неосмотрительных читателей и молодёжи, и наказывать издателей и продавцов». Для исполнения воли короля Уильям Уилберфорс, депутат парламента, основал «Общество воззвания», которое в 1802 году было преобразовано в «Общество для борьбы с пороком».

За первые пятнадцать лет своего существования «Общество» возбудило более сорока уголовных дел, во всех случаях по ним были вынесены обвинительные приговоры. В 1824 году «Общество» настояло на принятии парламентом закона, по которому любое выставление в общественных местах «неприличных» материалов подлежало суду и каралось штрафом и каторгой с тяжёлыми работами сроком до двух лет. С тех пор «Общество» активизировало свою работу, дела стали возбуждаться чаще. В 1845 году только у одного лондонского торговца были изъяты 12346 картинок, 393 книги, 351 медная доска, 188 литографических камней – все «непристойного содержания». Позднее в 1857 году здесь был издан подробный закон, карающий не только печатание и распространение непристойных произведений, но даже приобретение для печатания и передачу их другим лицам част-

ным образом. Органам власти предоставлялось право ареста и уничтожения таких произведений по постановлению мирового судьи.

В Англии во времена правления королевы Виктории поборники борьбы «за чистоту нравов» пуритане (пуритане – последователи кальвинизма в Англии в 16–17 вв, движения, возникшего внутри христианства и известного своим особо нетерпимым отношением к сексуальности из-за слепого поклонения пуритан идеалу моральной чистоты) были особенно активны: в 1868 году королевский судья дал настолько всеобъемлющее определение безнравственности, что суд мог признать непристойной любую книгу, в которой оказывалось хотя бы несколько строк, описывающих любовное поведение персонажей.

В Америке влияние церкви было не менее сильным, поэтому американцы, которые всегда восставали против политических и экономических моделей «страны-матери», беспрекословно подчинились её законам о морали. Первым законом, карающим непристойность в США, был закон штата Вермонт 1821 г. Первой запрещённой эротической книгой в Америке стало иллюстрированное издание романа «Воспоминания любительницы наслаждений» английского писателя Джона Клеганда.

В США в XX веке активно действовал *Национальный легион приличия*, известный также как *Католические легион* в защиту благопристойности. Основной его деятельностью бы-

ло обнаружение и борьба с нежелательным (с точки зрения **Римско-католической церкви**) содержимым в кинематографе. Организация известна большим количеством фильмов, запрещённых к показу из соображений благопристойности.

Официально учреждённый в 1933 году католическими епископами *Католический легион* содержал в своих рядах представителей **протестантской церкви** и **иудаизма**, ввиду чего в 1934 году был переименован из «католического» в «национальный».

В первой четверти XX века Национальный легион приличия имел сильное влияние в киноиндустрии, поскольку **рейтинг**, присваиваемый этой организацией, во многом решал прокатную судьбу картины. В предисловии к книге «125 Запрещенных фильмов: цензурная история мирового кинематографа» Дон Б. Соува пишет:

«В Соединенных Штатах необходимость во введении кинематографической цензуры возникла вскоре после того, как жадная до зрелищ публика попала под влияние кино. В 1915 г. фильм Д. В. Гриффита «Рождение нации» одновременно шокировал и приятно пощекотал нервы зрителей сценами расовой борьбы и сборищ Ку-клукс-клана. Тогдашний президент США Вудро Уилсон, посмотрев эту картину в своем кинотеатре в Белом доме, заметил: «Это все равно что творить историю при свете молний... Жаль только, что все это – ужасная правда».

Несмотря на реакцию Уилсона, этот фильм запрещали более сотни раз, в том числе и совсем недавно – в 1980 г. Попытки запретить картину привели к тому, что в 1915 г. Верховный суд Соединенных Штатов Америки, разбирая дело «Mutual Film Corporation против Industrial Commission штата Огайо (1915)», вынес ключевой вердикт: любой фильм является продукцией коммерческого предприятия и не подпадает под закон о защите конституционных прав свободы слова и средств массовой информации.

Это постановление суда не только лишило кинокартины конституционной защиты, но и предоставило городским властям и властям штатов по всей стране право подвергать цензуре и запрещать фильмы. Это решение невозможно было обжаловать в суде вплоть до начала 1950-х гг. В 1909 г. возникла группа под названием National Board of Review of Motion Pictures – «Национальная комиссия по просмотру художественных фильмов». Студии добровольно направляли картины на просмотр; роль же комиссии заключалась в том, чтобы «отбирать», а не подвергать цензуре и классифицировать фильмы для владельцев кинотеатров в зависимости от количества в них эротических сцен и актов насилия. Национальной комиссии по просмотру художественных фильмов, которая должна была стать частью отделения образования Министерства внутренних дел США, предлагалось учредить группу цензоров, которая будет определять цензурную политику по всей стране. В

ответ киноиндустрия в лице Ассоциации продюсеров и дистрибьюторов художественных фильмов создала кодекс, которому, как ожидалось, будут следовать все её члены. Эта организация, в которую входили владельцы как киностудий, так и кинотеатров, организовала сеть саморегулируемых агентств, начиная с Комитета по связям с киностудиями (КСК) в 1922 г. Это привело к созданию в 1934 г. Администрации контроля за соблюдением правил производства кинопродукции решающей, выпускать фильм или нет. Владельцы кинотеатров, – а их было большинство, – согласились демонстрировать только одобренные к показу картины. Представителям духовенства показалось, что КСК был недостаточно взыскателен.

Американская католическая церковь уже давно пыталась контролировать содержание кинофильмов путём угрозы отлучения от церкви режиссёров. Кроме этого, представители духовенства стали публиковать списки рекомендуемых к показу фильмов, что заставило Голливуд при подготовке проекта Правил в 1930 г. прислушаться к их мнению. Когда и это показалось недостаточным, католические священники развернули мощную кампанию за духовное очищение кинематографа, что и привело к созданию Общества добродетельных католиков (ОДК). В 1934 г. Угрозы и действия ОДК вынудили киноиндустрию разработать более строгие правила производства кинофильмов. В результате многие выпущенные фильмы были запрещены, а мно-

гие – изуродованы ради соответствия новым стандартам.

Фильмы подвергали цензуре разными способами: от изменений, вносимых в сценарии по инициативе КСК еще до начала запуска фильма в производство, до кадров и даже целых сцен, вырезаемых до утверждения картины, и купюр, производимых городскими комиссиями по цензуре и комиссиями штатов. Даже после того, как фильм прошел три-четыре этапа цензуры, его все равно могли запретить, если ОДК было слишком настойчиво. Например, в Чикаго многим кинокартинам, которые уже получили печать одобрения, ОДК присваивало класс «С» (*condemned*) и бойкотировало их.

Лишь в 1952 г. кинофильмы, наконец, получили конституционную защиту, когда в Верховном суде Соединенных Штатов Америки слушалось дело о фильме «Чудо» «Бёрстин против Уилсона (1952)». Было вынесено следующее решение: «Выражение идей посредством художественного фильма пользуется защитой свободы слова и прессы, гарантированной Первой и Четырнадцатой поправками (к Конституции США).

В Германии, в параграфе 184 Уголовного уложения 1871 года, имеется одинаковый с другими странами запрет «выставления, продажи, распространения непристойных произведений, изображений и изложений».

Заметим, ни в одном суде мира не было дано научно-го определения понятию «аморальная, непристойная лите-

ратура или искусство», а также научного обоснования необходимости ведения такого рода борьбы с ними, однако, следуя требованиям церковного канона № 100, людей судили и успешно приговаривали к всевозможным наказаниям.

Причём, за малозначительные поступки и Святой Трибунал и Королевские Судьи выносили неоправданно жестокие приговоры. Когда дело касалось сексуальности, о принципе справедливости наказания забывали.

Дело, начатое ещё инквизицией, процветало во всех христианских странах. Репрессии следовали вслед за развитием технического прогресса в области книгопечатания, фото, киноиндустрии и т. д.

В Викторианскую эпоху светская наука и культура во всём христианском мире сильно пострадали от гнёта неоправданных гонений, но агрессивно настроенные круги религиозной общественности продолжали считать, что борьба в защиту «общественной нравственности» на международном уровне ведётся не достаточно эффективно. Это привело к созыву в Европе в 1893 году первого международного конгресса *«против аморальной литературы»*.

Через два года в мае 1910 в Париже вновь состоялась международная конференция, собравшая представителей 13 европейских государств, а также США и Бразилии, на которой было заключено соглашение «относительно пресечения обращения порнографических изданий». «Порнография, – говорили на конференции, – представляет социальную опас-

ность, не меньше угрожающую населению, чем алкоголизм. Борьба с нею должна принять международный характер».

В 1913 году в Париже состоялся ещё один международный форум, где порнография впервые была провозглашена **международным преступлением**. По свидетельству очевидцев постановления и этого конгресса нигде не нашли своего «должного осуществления».

Наконец, в 1923 году в Женеве по приглашению Правительства Франции и под покровительством Лиги Наций «общественность разных стран» вновь съехались на международный конгресс *«единодушно желая придать большую действенность пресечению обращения непристойных изданий и торговли ими»*.

С этого момента борьба с порнографией снова усилилась. На произведения науки, искусства, ремесла и на их авторов обрушилась новая волна пуританских репрессий, продолжавшаяся вплоть до 60–70-ых годов 20-го века, пока события так называемой «сексуальной революции» на Западе не заставили законодателей разных стран заново пересмотреть свои законы относительно порнографии и практику их применения в сторону либерализации антипорнографического законодательства или полного его аннулирования.

Существенную роль в этом сыграл международный Криминологический конгресс, состоявшийся в Брюсселе 15–18 марта 1972 года. Участники этого конгресса отмечали, что установление уголовно – правовых запретов на порногра-

фию основывалось на требованиях норм *канонического права и морали*. Впервые более чем за тысячу лет было высказано здравое суждение о том, что при рассмотрении данного вопроса надо исходить не из принципов религиозных догм, а из *«соблюдения права на свободу»*. Решением конгресса было установлено: *«Свобода смотреть и читать произведения эротического содержания, и свобода не смотреть и не читать подобные произведения, являются равнозначными правовыми благами»*.

2.2. Влияние религии на процесс сексуально-информационного обмена в России.

До 10-го века Древняя Русь была тоже языческим государством со своими обычаями, традициями обожания сексуальности, т. е. со своей сексуальной культурой, сформировавшейся в результате поклонения древних руссов своим богам любви, веселья и плодородия: Рода, Ярилы, Лады, Леля, Костромы и пр.

Сексуальный темперамент славян отличался от темперамента южных народов, но от этого их сексуальная жизнь была не менее активной и разнообразной. Благодаря свободе нравов и тому, что в славянских племенах женщин всегда рождалось достаточно, проблемы реализации сексуального интереса для молодых людей не было. Они сходились с девушками на игрищах, где собирались представители разных родов и девушки могли совещаться с ними для связи и

бегства с целью замужества. Взрослое население тоже любило не только пировать, но и веселиться с женщинами. Иностранные летописцы отмечали любострастие и гостеприимство славян. По старому обычаю хозяин мог предложить гостю не только кров и пищу, но и жену, дочь или наложницу. У славян не возбранялось многожёнство. Материально обеспеченные мужчины могли иметь по две-три жены, а также наложниц (любовниц), дети которых имели равные права с остальными детьми главы семейства.

В 988 году князь Владимир Святославович принял крещение. С этого момента на Руси началось насильственное насаждение христианства властью. Христианские миссионеры, куда бы они не приходили, везде начали свою деятельность с уничтожения языческой культуры, особенно сексуальной её составляющей, т. е. по сути дела с сексуальной революции (сексуальной по содержанию и антисексуальной по направленности).

До этого россияне познавали бога как все язычники *«по стихиям Природы»*. По этим стихиям они познавали Законы Природы. Таким образом, в Древней Руси закладывались основы Естествознания.

После принятия христианства россиян стали принуждать познавать бога *«по учению Христа»*, причём церковь сразу потребовала, чтобы все вопросы, связанные с заключением брака, а также половая жизнь в браке и вне его, регулировались нормами церковного права и наставлениями

православных священников.

Российская ортодоксальная церковь Христа регулировала сексуальное поведение прихожан посредством системы исповеди каждого верующего, а также через систему церковных судов. Сохранились канонические памятники 13–18 вв., сборники «покаянных», или «исповедальных» текстов, где подавляющее большинство вопросов (до 80 %) ориентировано на грехи сексуального характера! Священник в процессе исповеди осведомлялся о сексуальной деятельности верующих и пояснял, что праведность их жизни в глазах Господа в гораздо большей степени зависит от их «правильного» сексуального поведения, чем от других праведных дел.

В ходе бесед с прихожанами на сексуальную тему священники пользовались выражениями «сором мужской или женский» для названия мужского или женского полового органа, а также выражением «творить блуд», «блудить» для обозначения полового сношения. Следовательно, христианская церковь считала эти слова *приличными* и не выступала против употребления их христианами, но при этом одинаково осуждала любой вид блуда: добрачные и внебрачные связи, связь с замужними и вдовыми женщинами и пр.

В русском языке, сложившемся задолго до прихода христианства на Русь, были в широком употреблении другие *приличные* по тем временам слова славянского мата, которые использовались не столько для обозначения просто детородных органов или их взаимодействия, сколько для произнесе-

ния языческих проклятий и заклинаний. Например: для изгнания нечистой силы или страха из себя, для нагнетания того же страха на противника в ходе перебранки, для выражения гнева, досады, недовольства или удивления, а также в сатирических и юмористических смыслах. Похоже, что слова славянского мата пришли к нам намного раньше оттуда же, откуда позднее пришло христианство, но принадлежат они не христианскому, а более древнему, языческому сакральному лексикону. Об этом не раз говорили сами христианские священники, называя эти слова «*елинскими*», то есть, языческими.

Чтобы дистанцировать себя и свою паству от язычников, церковь изначально выступала против употребления христианами «срамных» слов.

Тем не менее, в России ещё в 16-ом веке сохранялись селения и реки с очень интересными языческими названиями:

- Пезделка – деревня в Тверском уезде; Пезделово – пустошь в Угличском уезде;
- Пездлёво – деревня и Пездлёво – селище, а также Пездлёво – Долгое и Пиздюрино в том же Тверском уезде;
- Пиздино – пустошь в Ярославском уезде; Пиздоклеин – починок в Дмитровском уезде;
- Пиздюрка – речка во Владимирском уезде;
- Наебуха – речка в Звенигородском уезде;
- Еботёнка – в Коломенском уезде;
- Хуйково – деревня в Тверском уезде;

- Хуинков – пустошь-починок, Угличский уезд;
- Хуянков – починок, Переяславль-Залесский;
- Поиблица – деревня, Тверской уезд и так далее.

Да, но просто так «хулиганства ради» названия деревням, речкам и селищам не давались! Значит, произошли они от корней слов с особым, приличным когда-то смыслом.

Со временем все «похабные» названия на христианских территориях были переименованы или упразднены «приличия ради».

В исторических документах есть также указания на то, что раньше родители в процессе воспитания своих детей сознательно обучали их матерщине: это входило как бы в образовательный ценз язычников. Продолжалось это и с приходом христианства на Русь, и во времена двоеверия. А как же? Глава Рода с младенчества приобщал своих детей к своей религии и учил защищаться от всякой «бесовской напасти, которую стоит только обматерить, как та разбежится в разные стороны, ибо боится матерщины пуще, чем чёрт ладана».

Христианам, конечно, это очень не нравилось. Об этом с негодованием писал некий Посошков в послании молодому рязанскому епископу Стефану Яворскому: «Чем было вначале учить младенца, как Бога знать, и указывать на небо, что там Бог, так вместо такого учения отец учит дитя мать бранить «мама кака, мама бя, бя», а мать в свою очередь учит отца ругать «тятя бя, бя»; и как младенец

станет «блякать», то мать и отец тому бляканию радуются и понуждают младенца, чтобы он непрестанно их и посторонних людей блякал».

Иностранцев, посещавших Россию в те времена, удивляла откровенность и «циничней» (по их понятиям!) натурализм русского мата и народной культуры.

На самом деле ничего сверхъестественного в этом не было. Просто в Западной Европе христианство начало проповедовать своё «целомудрие» на 600 лет раньше чем в России. Отсюда и разное представление о приличиях у европейцев и у россиян в один и тот же отрезок времени.

Раньше и в Европе, и у нас в России, в домашних и городских банях мужчины и женщины мылись вместе. Баня была одним из немногих мест, где христиане могли видеть себя и других людей голыми в неэротических условиях, т. е. где раздевание производилось не из сексуальных соображений. Постепенно христианский мир стал враждебно относиться и к этому невинному обычаю. Церковь учила стыдиться даже собственного обнажённого тела. Особенно это касалось женщин. Священники говорили, что каждая взрослая девушка должна избегать бани, потому что она не должна «себя видеть нагой из чувства стыда».

Авторы святых писаний сильно восставали против обычая смешанных бань: «В такой бане не омывают и не делают чистыми члены тела, а загрязняют их... Ты делаешь из бани зрелище; место, куда ты приходишь, постыднее, чем

театр. Вся «срамота» там обнажается; сбросив одежду, отказываются и от телесной чести, и от нравственности. Женищина должна стыдиться мужчине даже тогда, когда она одета. Рассуди, станет ли такая женищина стыдливой, если научится бесстыдно обнажать себя перед мужчинами в банях?».

Начиная с 14-го века, запреты на совместные купания начались на Западе. В России подобные запреты официально появились во времена правления императрицы Екатерины II, указом которой впервые было предписано владельцам общественных бань в городах устроить отдельные «мыльни» для обоих полов: *«В особенности в женские бани не должны допускаться никакие другие мужчины, кроме необходимых для услужения, а также художников и врачей, которые пожелали бы изучать там своё искусство».*

В общественной жизни, а тем более в политике, церковь играла второстепенную роль, однако вопросы нравственности и сексуальных отношений всегда оставались под юрисдикцией церкви, поэтому церковь была в российском государстве как бы департаментом сексуальных дел и нравственности.

Многовековая обработка сознания масс христианскими проповедями о необходимости постоянной борьбы с «дьявольским искушением» в сочетании с наказаниями за непослушание вселяла в души верующих религиозный страх, на базе которого в обществе формировалось враждебное отно-

шение к сексуальности.

Наиболее последовательными борцами с «блудом» за христианский идеал «*моральной чистоты*» в России стали скопцы. Поначалу скопчество было одним из ответвлений секты хлыстов, но затем в 18-ом веке оно оформилось в самостоятельную секту. Члены этой секты не ограничивались, как другие христиане, только волевым подавлением в себе сексуальности путём истязания себя длительным постом, чтением благочестивых молитв и многочисленными поклонами. Они стали подвергать себя кастрации в честь Иисуса Христа, который подобным образом, якобы, избавил от плотских искушений себя и своих апостолов.

Вступающий в секту должен был пройти «огненное крещение». На первой стадии у мужчин раскалённым прутом отсекались «ключи ада» (мошонка). На второй стадии осуществлялась полная кастрация. Женщинам на первой стадии отрезали соски (малая печать), на второй – груди (большая печать). Затем вырезали малые половые губы и клитор. Члены секты считали себя святыми, спасителями рода человеческого.

За короткий срок в селе Сосновка Тамбовской губернии члены секты кастрировали более 200 человек. Глава сектантов Селиванов предлагал операцию даже императору Павлу Первому. По другим данным, в 1804 году тайный советник А. М. Еленский передал государю императору Александру Первому проект о привлечении сектантов на государствен-

ную службу, в частности о назначении их на каждый военный корабль, и в каждую дивизию для борьбы с гомосексуализмом и онанизмом. И только в 1818–1819 годах, когда началась массовая кастрация солдат петербургского гарнизона, правительство забеспокоилось. В 1820 году секту признали вредной, а Селиванова арестовали и сослали в Спасо-Ефимиев монастырь в Суздале. Но в Петербурге общины скопцов просуществовали ещё более ста лет. Последние показательные суды над ними в Ленинграде и Ленинградской области состоялись в 1929–1930 годах.

Появление секты скопцов среди христиан было явлением закономерным. Верующие, если это не дряхлые старцы, а от природы одарённые здоровой сексуальной конституцией люди рано или поздно понимают, что одним усилием воли убить в себе «дьявольские соблазны» невозможно. А так, как переход от враждебного отношения к сексуальности к «мирному сосуществованию» с ней в рамках религии невозможен, для верующих остаётся единственный выход – кастрация.

На примере скопческих сект хорошо видно, что последовательное и совершенно искреннее стремление верующих к достижению идеала «*моральной чистоты*» неизбежно ведёт их к физической либо к психологической кастрации.

Рождённый церковью запрет на изображение половых органов в изобразительном искусстве породил фигурные листки и послужил причиной появления во всём мире

огромного количества произведений *кастрированной эротики*.

Культура России шла в фарватере развития западной культуры, поэтому в царской России, так же, как и на Западе, статусом господствующей *«общественной нравственности»* обладали нормы христианской морали, служившие нравственным обоснованием режима диктатуры сексуально-го аскетизма.

Как и на Западе в дореволюционной России антисексуальные репрессии начались в связи с появлением и распространением христианства. И там, и здесь организатором и вдохновителем этих репрессий была христианская церковь.

В 17-ом веке она постаралась с выгодой для себя провести в России правовую реформу. Она добилась включения многих статей из *«Правил святых апостол и святых отец»* в Соборное уложение 1649 г., *«чтобы суд и расправа была во всех делах всем равна»*, после чего в России, так же, как на Западе, гражданский суд, наряду с основными функциями, стал фактически выполнять и функции *божьего, страшного суда*.

Любопытным для цели настоящего исследования является сообщение, которое содержится в послании архиепископа Геннадия Новгородского, датированное январём 1488 г. В этом послании он рассказывает: *«...какие-то еретики, поп и дьяк, дали христианину крест, на котором вырезан сором женский да мужской, и христианин с того вре-*

мени стал сохнуть и немного боля, умер».

Перед нами документальное свидетельство того, что церковное правило № 100 в России не просто существовало, оно действовало. Значит, борьба с порнографией началась у нас намного раньше, чем это принято было считать до сих пор, и началась она с распространения христианскими священниками сексуального мифа о вреде здоровью человека изображений *«соромы мужского да женского»*.

Поразительно, но факт: многие наши современники до сих пор ещё верят в церковную догму о том, что изображение половых органов сильно вредит здоровью и развитию граждан и угрожает безопасности государства.

Цензура была введена в России в 18-ом веке, поэтому в Уложении о наказаниях 1845 г. появились статьи, карающие за распространение *«тайно от цензуры»*, *«подлежащие цензурному рассмотрению»*, *«явно противных нравственности и благопристойности»* сочинений и изображений, *«имеющих целью развращение нравов»* или просто *«соблазнительных»*. Эти понятия были настолько широки, что охватывали собой даже расширенные рамки западноевропейских определений понятия *«непристойности»*.

Во второй половине XIX в. века появилась наука сексология, которая несла в массы научные знания о половой жизни. Она быстро завоевала популярность в среде прогрессивных, демократически настроенных кругов европейской и российской общности. Учёные, писатели, поэты ху-

дожники в своих работах стали смелее и чаще обращаться к сексуальной тематике. Именно в это время появилась масса художественной и научно-популярной эротической литературы, затем фотографий и кинофильмов. Но именно в это же время происходило ужесточение борьбы с «непристойностями». В этот период сформировалась в основном система квалификации преступлений против «общественной нравственности» в законодательной системе большинства европейских государств. Именно в это время появился и стал входить в употребление на бытовом уровне термин «*порнография*».

Волна социальной революции 1905 года в царской России вовлекла в круговорот событий и сексуальные отношения. Это была первая сексуально-демократическая революция, направленная против диктатуры сексуального аскетизма.

В те годы в стране образовался нравственный вакуум: религиозные верования, вековые устои, привычные нормы расшатались, утратили своё значение и силу, а новые ещё не создались, и люди очутились на перепутье. Очевидцы тех событий рассказывают, что в условиях нравственного вакуума секс выдвинулся на передовые позиции не только в повседневной жизни, но и в повседневной культуре. Богомольные моралисты с ужасом свидетельствовали: «*Если на улицах царило насилие, то литература и печать отличались различного вида сексуальными вольностями, изобиловали порно-*

графическими картинками. Повсеместно можно было купить «непристойные» открытки, порнографическую литературу; не составляло труда посмотреть порнографический фильм». Российское общество тогда уже живо интересовалось сексуальной тематикой и тоже доискивалось до содержания нового тогда понятия «порнография». Пётр Пильский в журнале «Вопросы пола» за 1908 г. писал: «Меня спрашивают, является ли трёхэтажная русская брань порнографией? – Отвечаю, нет, не является. Потому что трёхэтажная русская брань вселяет не восторг, и сеет не соблазн, а искренний ужас!»

Заметим, на обыденном уровне порнографией тогда считалось то, что «..вселяет восторг и сеет соблазн», т. е. эротика!

После Октябрьской революции на карте мира появилось государство СССР, которое Лига Наций поначалу не признавала, поэтому его представители не принимали участия в работе антипорнографического конгресса в Женеве в 1923 году. Да и необходимости тогда такой в СССР не было. Принятая в 1917 году Декларация прав народов России положила конец господствующему положению канонического права и религиозной морали и вопрос о защите «общественной нравственности» решил сам собой. Большевики не стали выдвигать никакой этической доктрины в качестве господствующей, поэтому при написании первых советских Уголовных кодексов 1922 и 1926 гг. авторы вообще отказа-

лись от выделения «общественной нравственности» в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Соответственно, в новом уголовном законодательстве не было статей, специально предусматривавших ответственность за порнографию, но была статья за нарушение правил размножения и выпуска в свет печатных произведений, а равно правил фотокиноцензуры. И было распоряжение Ленина «изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу». Порнография и книги религиозного содержания одинаково расценивались вождём пролетариата как контрреволюционная идеология и пропаганда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.